

4,5/5 (32 голосов)

Творчество

Каникулы

(Возвращение к истокам)

Дед Матвей

...Отгнав на пастбище коз, Саша шёл по росистой траве, помахивая ивовым прутиком. До деревни было далековато. Бабушкины сапоги надёжно укрывали его ноги от утренней сырости. И Саша, как на коньках, скользил резиновыми подошвами по влажной тропинке. Солнце ещё только выбивалось из-за леса, и туман в низине на глазах растворялся под его тёплыми лучами. «Ни одной телефонной вышки». – Саша вертел головой, безнадежно пытаясь отыскать хоть какое-то напоминание о сотовой связи. Когда туман совсем рассеялся, он рассмотрел одинокую человеческую фигуру, неподвижно застывшую у большого тёмного валуна. Подойдя ближе, Саша увидел деда Матвея. Тот с закрытыми глазами тихо сидел на траве, прислонившись к камню. Саша остановился, испуганно глядя на деда.

– Да живой я, живой. – Дед открыл глаза и отстранился от камня.

– Вам плохо? – Саша участливо наклонился над стариком.

– Плохо? Да нет, внучек, мне лучше, чем тем, кто здесь лежит. – С трудом поднявшись на ноги, дед отряхивал старый брезентовый плащ. Саша растерянно топтался рядом. Он вовремя не сообразил помочь деду подняться и, чтобы хоть как-то сгладить свой «косяк», стал с запоздалым рвением тоже усиленно отряхивать его влажный плащ. – Оставь... – Дед легонько отвёл в сторону его руку и медленно направился к деревне.

– А кто там лежит? – Шагая рядом, Саша, наконец, решился прервать затянувшееся молчание.

– Солдатики, защитники наши, – сразу отозвался дед. – Он помолчал и, оглядываясь назад, остановился.

– Немец пёр тогда на Москву силищей огромной. От самолётов в небе тесно было. Пушки бухали,

как раскаты громовые. Поганили землю, паскуды, досталось ей тогда. Я пацаном был, вот как ты сейчас, – оглядел он Сашу. Наши отступали, окопов в леску нарыли, закрепились, значит. Главный их командир сказал: «Стоять насмерть будем. Не пропустим фашиста».

– А откуда вы знаете, что он это сказал? – округлил глаза Саша.

– Так ведь они в селе около двух дней стояли. Немного, человек сорок. Были и раненные. Немец их теснил, а они упирались, всеми силами за землю цеплялись. Тогда дорога в деревню через лес вела. Это потом, когда фрица от Москвы погнали, они, отступая, мост-то и взорвали. Опосля его не восстановили, в другом месте построили. Вот по этой дороге сейчас вы сюда и приехали. А тогда солдатики под лесом обороняли подступы к деревне чем могли. Да только оружия маловато у них было. Всё винтовки. Патроны берегли. Ружьё противотанковое имелось. У командира пистолет да автомат. Пушка одна, «сорокапятка», да и та без снарядов, – красноармейцы говорили. Командир всё подкрепления ждал. Дешеша слал с конными, лошади в совхозе были. В лесу землянку выкопали, чтобы, значит, деревню не подставлять, там супостата встренуть. Окопы рыли. Мы с ребятами помогали им. Медсестра с ними была, на артистку похожая. Перед войной кино в клубе казали про Волгу. Так вот вылитая эта артистка. Волосы белые, короткие... Красивая...

Саша не заметил, как они подошли к дому деда Матвея. Дед тяжело сел на скамейку у ворот и надолго замолчал. Саша стоял рядом, не решаясь сесть на мокрую скамью. Но и уходить ему совсем не хотелось. Ждал, когда дед Матвей продолжит свои воспоминания. Не терпелось узнать, что же там, у камня, произошло.

– Аккурат в этот день, таким же утром, немец и попёр на них танками... Мать в подполе нас закрыла, чтоб, значит, живыми остались. Что там было под лесом, никому не ведомо, а только ближе к полудню немцы уже в селе хозяйничали. Потрещали из автоматов, походили гогоча по улицам – хозяева... Потом мать с бабами тайком ходили к лесу, солдатиков наших смотреть, я тоже из подвала вылез. Живых никого не было. Видел эту медсестру и командира ихнего, недалеко друг от дружки лежали, в небо глядели, остальных мать не дала смотреть, шибко покалеченные были. – Дед вздохнул и закрыл глаза. – Как стемнело, вырыли у камня могилу и всех их похоронили. Камень – это как памятник им, другого тогда ничего не было. – Дед опять ненадолго затих. – Потом уже, через много лет после войны, могилу, будто бы, перенесли в центр посёлка. Обелиск поставили. На девятое мая всегда венки возлагали. Начальство районное речи говорило. Но жители цветы приносили туда, к камню, где солдатики геройскую смерть приняли... А сейчас вот и не знает никто, что это за место такое, что за день такой. Забыли. А этого забывать нельзя. Об этом всегда помнить надо, покуда живём. Иначе зазря они лежат там, беспамятные.

Дед, охая, поднялся и пошёл в дом, а Саша сидел на высохшей от солнца лавке и задумчиво смотрел в сторону леса.

Как же так получилось, что он почти ничего не знает о той войне? Да, праздник Победы, девятое мая, отмечают каждый год. К ним в класс иногда приходили старенькие бабушки и дедушки – ветераны, говорили о том, что надо беречь Родину, которую они защищали. Ребята вместе с ними клали цветы к памятнику погибшим солдатам. Но то были неизвестные ему солдаты. И Саша не знал, как именно они погибли, и их было не очень жалко. Он вдруг с сожалением подумал, что мог бы никогда не узнать о том, что совсем рядом есть место, где лежат защитники этой земли. Те самые, которые погибли не за какую-то абстрактную Родину, а за посёлок, где родился его отец и где Саша сейчас живёт с бабушкой и сёстрами. Он ясно представил, как не на планшете – в игре «танчики», а измотанные постоянными боями раненые солдаты копали земляные укрепления, вгрызаясь в свою родную землю, чтобы защитить её от страшного врага или умереть. Слышал, как их командир обещал жителям села, что они, солдаты, будут стоять насмерть, и выполнил своё обещание. Белокурая медсестра и отважный командир стояли у него перед глазами, как будто

спрашивая: «А ты, будешь помнишь нас?»

Днём Саша рассказал эту историю Лиле. Она совсем не удивилась. Сказала, что здесь очень много таких мест, где проходили бои и где солдаты защищали свои дома, своих родных, свою землю. Она говорила это очень серьёзно, как говорят взрослые, умудрённые жизнью люди, и от её тихого, спокойного голоса у Саши по коже бегали мурашки. Его любопытные сестрички стояли рядом и всё слышали. Света предложила нарвать цветов и отнести их к камню, где лежат командир и красивая, храбрая тётя.

Цветов нарвали в поле – белых ромашек и голубых колокольчиков. Саша, молча смотрел на камень и мысленно говорил неизвестному отважному командиру, что никогда не забудет этот день и тех, кто лежит здесь. Ведь они погибли тогда и за его, Сашину жизнь, а значит, были героями. Уходя, он оглянулся. Ветер шевелил прислоненные к камню ромашки, и они махали головками, как будто подтверждая: «Не забудешь... не забудешь...»

...Дома, выйдя на балкон своей комнаты, Саша долго смотрел в звёздное небо и думал: «Как же, оказывается, мала Земля, если из любой её точки прекрасно видны Большая Медведица, и Млечный Путь, и ещё сотни тысяч ярких и не очень звёздочек, названия которых он не знает. И какая же она огромная, если на ней спокойно разместились и его родной город, и миллионы других городов и посёлков, далёких и близких, больших и крошечных, с живущими в них людьми. И какая же она беззащитная, если на ней в мирное время могут умирать целые деревни. Саше вдруг захотелось обязательно вернуться в ставшую дорогой, ещё живую, затерявшуюся в необъятных земных просторах деревню. Туда, где берёт истоки его звучная русская фамилия и где земля, истосковавшаяся по крепким и надёжным рукам, ждала своего хозяина.

Медкомиссия

Лёхе, лечащий врач, наконец-то сообщила дату освидетельствования на ВТЭК, после бесконечных мытарств и хождений по кабинетам районной больницы. Беспокоила левая нога, большой палец которой ещё в детстве раздробил, помогая отцу утрамбовывать здоровенной деревянной чуркой – «бабой», земляной пол вырытого погреба.

Не зная, радоваться ему, или огорчаться он, зайдя в райповский поселковый магазин, взял литр Немирофф, два огурца зелёных в пупырышек, жирную слабосоленую селёдочку, (продащица уж больно нахваливала – свежая, только завезли) и пошёл домой. И, уже подходя к своей покосившейся калитке, заметил семенящего быстрым шагом к нему соседа Викентьича.

Торопливо запахивая на груди лёгкий куртоз, Викентьич, подойдя к забору, и протянув руку для приветствия, деловито посмотрел на Лёхин пакет с провизией.

– С откудава, сосед?

– Да вот в больницу ездил, на комиссию посылают, сказали, группу давать будут.

– Вот оно ка-ак, протянул Викентьич, достала знать тебя твоя хвороба. Ведь вот же зараза какая, как прицепится к человеку, хочь чего ты с ней делай – не даёт жизни и всё тут! Да, комиссия это серьёзное дело. Это тебе не на рыбалку сходить. Они ж там – эти шарлатаны, с тебя сто шкур сдерут: и тут им покажи и это им расскажи... тьфу чёрт, выразительно поглядывая на пакет, говорил Викентьич.

– У меня шурин эту самую комиссию, аккурат в прошлом годе проходил. Так знаешь, говорит это целая наука, пройтись её правильно, с пользой для себя! Ты заходи, заходи, суетливо открывал сосед свою калитку, – пойдём в дом, я тебе всё обскажу, как надо себя вести с ими.

Войдя в дом к соседу, Лёха поставил пакет на табуретку у стола.

– Да что ты, что ты, ты садись, – суетливо подставляя табурет Лёхе, предварительно взяв с него пакет – частил Викентьич.

Как-то само собой всё из пакета переключалось на стол и, разрезая вдоль селёдочку, выпотрошив из неё внутренности, Викентьич со знанием дела наставлял Лёху на правильный путь.

– Перво-наперво, – разливая Немирофф по давно не мытым чашкам, вещал сосед, – одеться надо в самое затрапезное, ну такое, чтобы при виде тебя с глаз воротило от жалости. Между первой и второй промежуток – небольшой – говорил сосед, хрумкая огурчиком после второй чашки.

Вот... оделся значит, как зря и в руки, чтоб руки чем-нибудь занятые были, палка там, клюшка какая-нибудь, чтобы для пущей убедительности, мол сил никаких нет до нужника дойти, а не то что в вашу комиссию.

– Да я же пока на своих ногах хожу – пытался вставить Лёха.

– Вот то-то и оно, что пока, то-то и оно. А ты возьми клюшку, да опирайся на неё, как будто сей момент с катушек слетать собрался, прям здесь, перед этим благородным собранием.

Третья и четвёртая чашка пролетели как-то незаметно и буднично.

Лицо Викентьича слегка порозовело, залоснившиеся от жирной селёдки губы и подбородок он вытер тыльной стороной ладони и этой же стороной провёл вверх по волосам, как бы приглаживая их наверх и распределяя по своим местам - во всём должен быть порядок.

– Зайди к им, продолжал наставлять сосед, да лицо, лицо всё время страдальческое делай, как будто у тебя пакет разорвался и из его две.. нет три, пол-литра выпали и вдрызг! Печаль чёрная! Это они любят, это по иху мнению, человек до края дошёл, всё, приплыли, амба! Ну и это – замаявшись продолжал он – если с вечеру капусты кислой натрескаешься, да супцу горохового миску-другую в брюхо запихаешь, то результат, как говорят, превзойдёт все ваши ожидания! Кашляни пару раз, да поднатужься вдогонку, мол, ко всему ещё и материзмой страдаю, мучаюсь одним словом, газами, будь они не ладны. Мол за вредность, каку людям своими выхлопами приношу, мне ещё и надбавка полагается... совсем с организмой совладать не могу, только на это силы и хватает – тоном, не допускающим возражений, как будто он сам ежедневно по три раза на дню комиссию проходит – говорил захмелевший Викентьич.

– Станут спрашивать про мужскую силу, скажи – так, мол, и так, сила имеется, но периодически даёт сбой, нету на инструмент никакой управы, овощ одним словом и весь сказ! А какой есть мужик без инструменту? Ка-ле-ка – отдельно, по слогам, многозначительно подняв вверх указательный палец, проговорил сосед, инвалид значаща... инвалидность у тебя в кармане!

– Добавить бы не мешало – показывая глазами на пустую бутылку, проговорил Викентьич. Я ить всё по научному обсказал, во всех подробностях, так может ещё добавишь, сгоняешь в маркет, а?

Но Лёха от всего выпитого и услышанного, как то осоловел и, глупо улыбаясь, задом стал пятиться к двери.

Видя, как гость с трудом перешагнул через порог и исчез в дверном, уже потемневшем проёме, не закрыв за собой дверь, Викентьич с сожалением понял, что продолжения не предвидится. Икнув и со словами – что с него взять, без пяти минут инвалид, – откинулся на стул и захрапел.

С утра Лёха, чисто выбритый и принаряженный, прихрамывая, шагал к автобусной остановке, думая, что ему в кошмарном сне привиделось напутствие соседа.

– Приснится же такое, усмехался он сам себе. А соседка напротив – старая Антониха, увидев улыбающегося Лёху подумала, – вырядился, ишь вышагивает – хром – шлёп, не иначе как зазнобу нашёл. Давно пора. Будет о чём с соседками поговорить.

Едины мы

Так на Руси Великой повелось -
Беда народ всегда объединяла.
Из глубины веков отозвалось
Времён былинных эхо русской славы.
Едины мы! В своём стремлении жить
Под мирным небом честно и свободно,
Надеяться, смеяться и любить
И хлеб растить на нивах хлебородных.
Едины мы! Не надо нам мешать
И жить учить иначе – нас не надо.
Не надо под шаблон нас подгонять
И грозно щёлкать стеклом – мы не стадо!
Едины мы! Не надо нас пугать.
Мы мирные и добрые соседи,
Но не ходите ратью к нам на рать
Не беспокойте русского медведя.
Едины мы! И нас не надо злить.
До краю терпелив народ России.
Не дай вам Бог черту переступить
И испытать на прочность нашу силу!

Не пугайте Россией

Россией не пугайте, господа!
На свой манер, поспешно, не кроите
Истории, прошедшие года,
Переиначив ход былых событий.

Россией не пугайте, господа!
Народ её – душою благородный –
Умеет и жалеть и сострадать,
И хлеб последний разделить с голодным.

Россией не пугайте, господа!
Она сумела, пусть ценой жестокой,
Всем недругам наглядно преподать
Достоинства и мужества уроки.

Россией не пугайте, господа!
Униженная – в Вере утвердится!
И пепел отряхнув, с забытых дат
Она, как птица Феникс, возродится.

Россией не пугайте, господа!
Предрешены злословия исходы...
Вам не понять умом, не разгадать
Души её великого народа!

Отчий край

Мой отчий край, отрада глаз моих,
Люблю твои просторы вековые:
Сосновый воздух, ропот волн морских
И скромных рек весенние разливы.
Руины замков, в зарослях густых,
Затерянных дорог булыжник старый,
Глазницы окон хуторов пустых,
и солнца диск восточный, бледно-алый.
И городов особенную стать,
Торжественность, глядящих в небо шпилей,
Прохладу парков, водоёмов гладь,
И Канта мудрого гранитную могилу.
Поселков скромных простенький уют
И поля ширь, засеянного хлебом.

И стоголосый праздничный салют,
С цветущими огнями в майском небе!

На пенсии

А жизнь такая скорая,
Бежит рекою быстрою.
Короткими неделями
Мелькнув, года летят.
И вот уже спроворила,
(Стаж пенсионный выстрадав),
Вечерним рукоделием –
Обновки для внучат.

Сижу себе бабуленькой
На лавке у калиточки,
Читаю прессу жёлтую,
Надев на нос очки.
На ужин – крепкий, с бубликом
чай, налитый сквозь ситечко,
(к чертям диету жёсткую!) –
С повидлом пирожки!

Живу, не кукарекаю –
Мол, жизнь перековеркана:
Уж тела дородные
В масштабах раздались.
А про себя кумекаю,
Наутро, глядя в зеркало,
(На красоту природную) –
Ну, что это за жизнь?

Скажу спасибо пенсии,
Займусь тем, что мне дорого:
Стихи писать исправные,
Да песни стану петь...
Заброшу благоденствие,
А-то ведь, чего доброго,
Я сделать что-то главное
Могу и не успеть.